

10 MAR 1962

Евг. КРИГЕР

От Гаваны



тыми, как нетронутые краски на палитре, контрастами между желтым и синим, зеленым и красным—солнцем и деревьями, красной землей Пинар-дель-Рио и синими горами далекого острова.

Репродукции кубинских пейзажей были разбросаны и среди нот на рабочем столе. Тут же увидел я знакомое теперь всем лицо Фиделя Кастро и рядом—большую фотографию молодой красивой женщины с высоко поднятой головой. Я узнал ее также на одном из висевших на стене рисунков.

— Анхела Алонсо, — ответил Листов на мой вопрос и и взгляд.—Участница боев в Сьерра-Маэстра. Судьба ее удивительна...

Он помолчал, потом присел к роялю. Я знал, что Листов—участник гражданской и

Отечественной войн, что душой и музыкой он романтик. И все же в ту минуту его лицо поразило меня выражением полной отрешенности от недавней нашей беседы.

Начал играть и, не отрывая рук от клавиш, рассказывал с хорошо знакомой мне хрипотцой:

— Это происходит в парке ла Тропикаль, на окраине Гаваны. В воскресные дни тут собираются ремесленники, рабочие. Анхела поет песню, веселую, беззаботную. Анхела—веселая девушка, ты потом прочтешь ее письмо. Танцуют под ее песню парни и девушки. Это происходит незадолго до свержения Батисты. А песня Анхелы станет потом сигналом повстанцев.

ЛИСТОВ ПРОДОЛЖАЛ ИГРАТЬ, подпевая клавиру и молодея на глазах,—повидавший жизнь человек с сединой в волосах. И перенес меня из снежной Рузы в жаркую ночь Гаваны, в синюю и черно-золотую ночь печальной тогда и гордой Кубы. То сплетая, то разъединяя руки, танцевали парни и девушки рабочей Гаваны; глядя на них, подбодорясь, подмигивали друг другу бойкие старики, но порою их глаза были серьезны, очень серьезны. И пела Анхела:

— Пляшет Гавана, пляшет Гавана!
Праздник сегодня...
Полуночный час...
Пляшет Гавана...

Я не умею словами передавать стихию музыки, да и не всегда это бывает уместно. Но тогда трудно было стоять спокойно. Танец закружил и меня. И впрямь в Гавану перенеслись мы в те минуты. Смахнув пот со лба, Листов сказал:

— Своей песней Анхела отвлекала внимание полицейских от человека, который спускался с гор к рабочим Гаваны. Его должны схватить. И Анхела песней помогает ему уйти от преследования. Она любит его.

Как странно. Снежный русский лес за окнами, а тут, у рояля, знойная ночь Кубы. Той Кубы, что захватила наши души и мысли. Кубы Кастро и отважных «барбудос» — бородачей, повернувших судьбу своей родины от черной диктатуры в будущее, творимое не чужеземцами, не диктаторами — народом!

Листов кончил играть. Я смотрел на кубинские рисунки. Рабочие в темных беретках... Бойцы народной милиции в круглых шапках с прямыми козырьком... Бронзовые лица крестьян в широкополых шляпах... Зеленые пальмы на красной земле... Гигантская геометрия городских зданий в центре города...

— Это рисунки Иванова и Оссовского, — сказал Листов. — Иванов рассказал нам о горестной и прекрасной судьбе Анхелы Алонсо. В начале августа прошлого года я начал работать над оперой. Либретто написали Семен Медовый и Кирилл Поляков. Я использовал стихи Николаса Гильена. «Дочь Кубы» — так мы назвали оперу. В основу положена действительная судьба Анхелы. Я работал быстро, как говорится, записом. Очень помог посол Кубы Фауре Чомон, участник восстания. Помог своими рассказами о Кубе и ее людях, о том, как был свергнут Батиста. И вот клавиш оперы готов.

Мы вернулись в Гавану. Листов играл пролог оперы.

Сумрачные и все же влюбленные в жизнь рабочие, ремесленники, женщины, старики словами Гильена поют о родной Кубе:

— Наша родина кажется сахарной,
Но сколько горечи в ней!
Наша родина кажется сахарной,
Она из зеленого бархата,
Но солнце из желчи над ней.

В звуках песни и грусть, и гнев, и великая сила любви к земле своих отцов. С гор, где повстанцы готовят силы к свержению диктатуры, спускается к

людям Гаваны молодой революционер Николас. Он спрашивает их:

— Посмотрите, что видите вы вокруг?
— Слезы и горе, — отвечают они. — Слезы и горе.

И снова вопрошает Николас, напоминая о муках неволи, унижения, гнета.

Листов играл самозабвенно. Слезы были на его глазах. Так встала передо мною раскаленная песнь «Patria o Muerte» — главная музыкальная тема оперы, словно языками пламени вспыхивающая в оркестре во всех картинах.

Мелодия клятвы, обнаженно, призывно ударяющая в сердца маршевым ритмом, завершается гневным и гордым взлетом, когда мы слышим слова Николаса:

— Так вставайте на бой,
Внуки Хосе Марти!
Вставайте на бой священный!
За Кубу родную!
Patria o Muerte!

ВЗВОЛНОВАННЫЕ, мы вышли с Листовым из дома в зимний лес. В свете луны слыли тяжело нагруженные снегом ветви.

— Какое странное и красивое дерево, — сказал я, глядя на старую-старую ель. В нижней части она густо и широко раздалась ветвями. Крона также была ветвистой, могучей. Но середина ствола высилась голая, без единой ветки.

— Здесь был наблюдательный пункт гитлеровцев, — напомнил Листов. — В этом лесу находился их штаб.

И я вспомнил студеные, жестокие ночи 1941 года. Вспомнил стужу, от которой леденели стволы орудий, и, прикоснувшись к ним рукой, вы могли с ладони содрать кожу. Вспомнил скорбь, тревогу и гордость в дни отступления, упорного, как сама жизнь, доблестного, как это знакомое нам: «Родина или смерти!» И вспомнил еще конец декабря 1941 года, когда внезапным ответным ударом наши войска смяли и танками втоптали в снег хмельное фашистское



С УЩЕСТВУЕТ под Москвой близ города Рузы поселок в лесу. Он расположен на прибрежном холме, круто падающем к излучине Москвы-реки. В небольших деревянных домах, разбросанных среди старых елей, наезжая сюда на месяц, на два, живут и работают композиторы. В каждом доме стоит фортепиано, испытавшее, видимо, на своем веку прикосновения рук многих наших музыкантов.

На днях я решил провести здесь старого своего приятеля, композитора Константина Листова, — дружба с ним завязалась еще в довоенные годы на Дальнем Востоке.

Пока мы толковали о том о сем, припоминая давние встречи, я присматривался к убранству комнаты и заметил на стене подле рояля несколько пейзажей и портретов, напоминавших о далекой и очень близкой нам стране.

— Куба? — спросил я, любясь чис-

НА СНИМКАХ:

- Анхела Алонсо, дочь героической Кубы.
- Композитор К. Листов за работой.



ИЗ БАКУРИАНИ

Юрий ЗВЯГИН:

НА СНЕЖНЫЕ ТРАССЫ бакурианской впадины вышло свыше четырехсот спортсменов-горнолыжников. В воскресенье возле бакурианского трамплина «Сакартвело» собралось свыше 7.000 зрителей. Кумир болельщиков замечательный грузинский прыгун К. Цакадзе не подвел своих земляков. Он, как и остальные храбрые спортсмены, трижды взбирался на снежную катапульту и оттуда

чемпион А. Филатов («Динамо», Москва). Даже на самых трудных участках он помогает себе палками. Скорость сумасшедшая. Диктор сообщает, что на первом контрольном отрезке динамовец выигрывает у В. Румянцева три секунды. Перед концом дистанции выигрывает во времени составил уже 5—6 секунд. Еще одна золотая медаль украсит грудь ветерана горнолыжника? Увы, когда до финиша оставалось метров двадцать, Филатов упал. Не повезло ему и на трассе скоростного спуска. В этих соревнованиях знаменитый лыжник падал трижды, кто-то назвал его даже «падающей звездой». В троеборье скоростного спуска победил армеец В. Тальянов.

Не обошлось без происшествий и на трассе слалома-гиганта для женщин. Юная спортсменка Галя Уткина на середине дистанции потеряла лыжу, но упорно продолжала спуск на другой оставшейся. Зрители дружно ахали, когда девушка, потеряв равновесие, падала, и также дружно аплодировали, когда она пересекла линию финиша. Время ее, правда, не из блестящих, но Галина довольна.

В воскресенье возле бакурианского трамплина «Сакартвело» собралось свыше 7.000 зрителей. Кумир болельщиков замечательный грузинский прыгун К. Цакадзе не подвел своих земляков. Он, как и остальные храбрые спортсмены, трижды взбирался на снежную катапульту и оттуда

на получение звания мастера спорта. Вечером 9 марта в зале спортивной базы «Динамо» в торжественной обстановке победителям были вручены медали, призы и ценные подарки.

Первая зимняя Спартакиада народов СССР закончилась. В заключение отметим, что соревнования проходили в сложных условиях. Март принес с собой весну, беспощадное солнце безжалостно плавало снег, доставляя спортсменам массу неприятностей и хлопот. Нередко успех зависел не только от уровня мастерства лыжника, но и от того, насколько удачно он «намазался» и в какое время дня выступал. Порой хороший спортсмен отчаянно работал «палками» и все-таки передвигался с обидно малой скоростью.

В общем борьба за скорость с солнцем завершилась победой участников спартакиады.

Спартакиада явилась хорошей проверкой сил накануне предстоящих в 1964 году Олимпийских игр.



ГОТОВЬ ТЕЛЕГУ ЗИМО

ГОЛОС ЗА «АВТО

— ХОРОШЕЕ ДЕЛО!
— НАКОНЕЦ-ТО!

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАМ держания редакция после того, как прошлой опубликовала предложении шофера Николая Потоцкого стране «автостоп». Нам пришлось по душе людей — студентам, рабочим, ученикам.

Весной прошлого года шла вест: в Ленинграде вать «автостоп». Нам удалось ленинградского «автостоп» — это здорово!

Едем в любом направлении сделал остановку на каком-то пути, встречаешься с людьми, можешь заехать в так не заходят ни автобус, ни лон на сто километров стоишь 20 копеек.

Летом «автостоп» появился в Эстонии, Литве, Сахалине.

Недавно председатель Федерации Литвы Вайдотас Янушас нас в редакции о том, что «автостоповцы», осто колхозах, работают на полях, дают концерты на пути, участвуют в конкурсе на лучшего странника. За прошлый в Литве было продано 10 «автостопов» и талонов в объеме 21 миллион километров.

О новом месте жительства нам сообщила по телефону ристско-экскурсионного управления области В. В. Патриция книжек «автостоп» сем недавно, а уже почти в «Автостоп» пришлось поехать в Узбекистан. Начальник экскурсионного управления Т. К. Ворханов сообщил, что февраль было распространено книжек «автостоп».

К сожалению, талоны, купившие или Ленинграде, на в Литве, действуют только своей республики или области представьте такую картину из Ленинграда в Москву, себе туристов. На дорогах области автотранспорта, про «автостоповца», желают ему пути, а в Московской — первый штрафует шофера и машины «левого» пассажира.

Но даже несмотря на это штаб «автостоп» получил для лотереи талоны от шоферов вии, Башкирии, Московской.

рождество и вбили смертельный страх в сердца врагов, страх, не оставлявший их до самого конца войны.

Да, нам есть что вспомнить, и грозное, и великое; и потому, может быть, так близко и понятно все, что чувствуется сегодня наши далекие братья кубинцы.

Мы вернулись в дом. Листов снова начал играть. Так я прослушал весь клавир оперы. Мы были свидетелями любви, вспыхнувшей в сердцах Николая и Анхелы. Мы были среди народа, таившего до срока ярость восстания. Я слышал, как Анхела, провожая друга на подвиг, грозивший ему смертью, созналась: она носит на груди ампулу с ядом. Если Николай не вернется, если погибнет, она тоже расстанется с жизнью. Я был в плену у музыки, когда тяжело раненный в схватке Николай властно и нежно сказал Анхеле:

— Ампулу!
Люди Батисты уже стучали в двери. Николай боялся, что, схваченный, потеряет сознание и в бреду может выдать врагам замысел повстанцев. Лучше смерть. И Анхела, изнемогая от скорби, отдала свою ампулу Николаю.

Люди Батисты ворвались в харчевню где умирал революционер, девушка заслонила его своим телом, они сбили ее с ног. Но тут вбежала в комнату старуха Флора, хозяйка таверны. Ее взгляд был так страшен, что ищейки Батисты отшатнулись. Старуха бросила им в лицо: — Стойте, изверги! Не смейте прикасаться...

«Они святые...
Прочь уходите...»
Листов пробормотал:
— Это все правда. Все это перенесла Анхела. Так было.

ПОЗЖЕ Я ЧИТАЛ письмо Анхелы Алонсо авторам оперы. Там, на Кубе, она прочла в газете сообщение кубинского корреспондента в Москве Хуана Аркочи о том, как рождается опера «Дочь Кубы». Листов и либреттисты послали героине скромные подарки — альбом с картинами русской природы и недавно вышедшую книгу «Куба» с превосходными рисунками В. Иванова и Л. Осеевского. Анхела писала в ответ: «Дорогие товарищи! Несмотря на то, что наш язык очень богат, я сейчас не могу подобрать слов, которые смогли бы передать вам мое глубокое волнение, с которым я читала ваше такое замечательное письмо. Читая его, я почти физически ощутила братскую теплоту, которую вы питаете ко мне, к моему народу, к нашему делу...»

Вам, видимо, Иванов рассказывал, какие усилия я старалась приложить, чтобы стать серьезной в день, когда он меня рисовал. Ведь несмотря на все, что я испытала за свою жизнь, по характеру

я веселая и люблю посмеяться. Я посылаю вам также другое фото, поменьше, но где я более серьезная.

Особенно благодарю вас за альбом; он даст мне возможность ближе познакомиться с вашей Родиной, которая немало является Родиной и для меня, так как я ее люблю... Я никогда не смогу вас забыть».

...Помня об этом письме, я еще раз слушал финал оперы. Анхела в горах вместе с повстанцами, она в форме бойца революции сражается вместе с бойцами Кастро. Ее песнь — это разговор с Николаем, отдавшим жизнь за свободу. Анхела слышит шаги приближающихся бойцов и говорит своему другу:

Ты слышишь, Николай?
Идут твои друзья.
Я знаю — новое в них сердце бьется...

И дальше, дальше:
— Здравствуй, Куба!
Родина моя!
Я твой рассвет встречаю новый!
И снова, и снова звучит гневное и победное:

— Patria o Muerte!
Да, так было. Так входила в жизнь и в революцию молодая, красивая, веселая Анхела Алонсо.

Я СЛЫШАЛ ТОЛЬКО КЛАВИР оперы. Поющий за роялем Листов не мог, разумеется, заменить громаду оркестра, игру артистов, все краски большого театрального представления. И все же немисливо слушать его спокойно. Все в этой опере дышет романтикой, героикой народной революции. Листов стремился писать предельно просто, чтобы музыкальный язык оперы был понятен миллионам зрителей, пусть даже неискушенных в музыке. Но в этой простоте есть и величие подвига, и пафос самоотверженной любви, и вечно живой огонь кубинских песен и танцев.

Музыкальная характеристика Анхелы выражена не в арии героини, а в ее песне, подобную которой можно и в самом деле услышать на улицах Гаваны: «Играй, дорогая гитара! Ведь Анхела — женщина из народа, непринужденная, задорная, нежная, влюбленная в жизнь. Таков и Рамон, кумир рабочих кварталов Гаваны, народный певец, друг Николая и такой же, как он, солдат революции. И старая Флора, мать Рамона, как и Анхела, — дочь народа.

Я слушал клавир и видел их всех. Я снова узнавал людей далекого острова, доблестных и свободных. И всегда за их словами и песнями, то затаенно и глухо, то в открытом, гордом звучании слышалось все то же:

— Patria o Muerte! Родина или смерть!